DOI 10.15826/izv2.2025.27.3.046
УДК 821.161.1-1 Борис Рыжий + 159.955.4 +
+ 82.091

О. В. Зырянов
[1] *Уральский федеральный университет*
[2] *Миссионерский институт*
Екатеринбург, Россия

АВТОРСКАЯ МЕТАРЕФЛЕКСИЯ В ПОЭЗИИ БОРИСА РЫЖЕГО

Работу можно рассматривать как пролегомены в проблемную область, связанную с творческой личностью поэта Бориса Рыжего, акцентирующие лишь один, но достаточно примечательный аспект этой неординарной творческой индивидуальности, а именно — проявления в текстах поэта авторской метарефлексии. Цель статьи — рассмотрение авторского метатекста поэзии Б. Рыжего, а также всех его составляющих, взятых по отдельности или в комплексе, иногда даже в системно-целостном единстве. Используемые методы исследования — структурно-типологический с привлечением целостного анализа отдельного лирического произведения.

В результате проведенного исследования корректируется взгляд на поэта Б. Рыжего как натуру исключительно стихийно-эмоционального склада. В творческой личности данного проникновенного поэта-лирика отмечается профессиональная искушенность в вопросах собственно стиховой поэтики, нашедшая выражение в разветвленной системе метаэлементов, таких как посвящения и эпиграфы, литературная интертекстуальность, примеры жанровой и стиховой метарефлексии. В лирике Б. Рыжего обнаруживается также большое количество так называемых поэтологических стихотворений, сюжет которых напрямую сводится к авторскому метаописанию самого процесса создания стихотворения.

В качестве наиболее репрезентативного текста выбрано стихотворение «Мне холодно, читатель, мне темно...», проанализированное в сравнительно-сопоставительном ключе с известным текстом-прецедентом Е. Боратынского «Мой дар убог и голос мой негромок...». Доказывается, что в ходе творческого диалога с предшествующей поэтической традицией Б. Рыжий не только сохраняет персональную автономию своей поэтической личности, но и предельно аккумулирует ее творческий потенциал.

Ключевые слова: Борис Рыжий; авторефлексия; метапоэтика; интертекстуальность; метатекстовый комментарий; поэтологическое стихотворение; творческий диалог с традицией

Цитирование: *Зырянов О. В.* Авторская метарефлексия в поэзии Бориса Рыжего // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2025. Т. 27, № 3. С. 150–161. https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.3.046

Поступила в редакцию: 30.05.2025
Принята к печати: 11.07.2025

© Зырянов О. В., 2025

CC BY-NC

Oleg V. Zyryanov
[1] *Ural Federal University*
[2] *Missionary Institute*
Ekaterinburg, Russia

AUTHOR'S META-REFLECTION IN THE POETRY OF BORIS RYZHY

This article is a preliminary study of the complex and challenging area of the creative personality of the poet Boris Ryzhy. It focuses on a notable aspect of this exceptional creative individuality: the author's meta-reflection in the poet's texts. The purpose of the article is to examine the author's metatext of Ryzhy's poetry, as well as all its components, taken separately or as a complex, sometimes even in a systemic and integral unity. The research methods employed are structural-typological, incorporating a holistic analysis of a distinct lyrical work.

The research challenges the prevailing notion of poet Ryzhy as an exclusively spontaneous and emotional individual. The creative personality of this soulful lyric poet is characterised by professional sophistication in matters of verse poetics proper, which found expression in a complex system of meta-elements, such as dedications and epigraphs, literary intertextuality, and examples of genre and verse meta-reflection. Ryzhy's lyrical poetry includes a significant number of poetological poems. They focus on the author's process of creating poetry, offering a direct insight into the poet's thought process.

The poem *I am Cold, Reader, and It Feels Dark...* is selected as the most representative text. It is analysed in a comparative-contrastive manner against the well-known precedent text by E. Boratynsky, *My Talent is Poor, My Voice Has Little Weight....* It is demonstrated that in his creative dialogue with the previous poetic tradition, Ryzhy not only preserves the personal autonomy of his poetic personality but also accumulates its creative potential to the full.

K e y w o r d s: Boris Ryzhy; self-reflection; metapoetics; intertextuality; metatext comment; poetological poem; creative dialogue with tradition

F o r c i t a t i o n: Zyryanov, O. V. (2025). Avtorskaia metarefleksiia v poezii Borisa Ryzhego [Author's Meta-reflection in the Poetry of Boris Ryzhy]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki, 27*(3), 150–161. https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.3.046

Submitted: 30.05.2025
Accepted: 11.07.2025

Далеко не случайно, что само обаяние поэзии Бориса Рыжего в первую очередь связывается с природой его лирического героя, шире — лирического «я» поэта, его духовным миром, особым, неповторимым характером его лиризма. Зачастую Б. Рыжего даже представляют поэтом стихийно-лирического склада. По силе «эмоционализма», или лирической экспрессии, «буйства глаз и половодья чувств» (если воспользоваться строчкой другого поэта), отмеченных к тому же приметами нарочитой небрежности, его принято сближать то с Михаилом

Лермонтовым, то с Сергеем Есениным. С указанными поэтами Рыжего, помимо всего прочего, роднит также трагический уход в раннем возрасте и насильственная смерть. Казалось бы, всё это так, и с этим вообще трудно поспорить. Но в то же время хотелось бы взглянуть на Бориса Рыжего и с другой стороны — как на поэта, вполне искушенного в профессионально-литературном и даже формально-стиховом плане. Ведь творческая личность выражает себя не только в силе, так скажем, первичного лиризма, но и в художественно-поэтологической активности вторичного порядка, а именно — в акцентировке литературной реальности как таковой, в том, что принято называть авторской метарефлексией или метатекстуальностью. В этом отношении Б. Рыжий может рассматриваться не просто как последний советский поэт[1], но и как наследник трехвекового развития всей русской поэтической традиции[2] — от В. Тредиаковского до А. Кушнера и И. Бродского, от А. Кантемира до Е. Рейна и С. Гандлевского.

В достаточно примечательном стихотворении Рыжего «Падал снег...» (1996) находим строчки, которые можно было бы взять эпиграфом к предмету нашего исследования: «Я, вероятно, превратился в ноль. / Я жить ушел в свое стихотворенье» (с. 162)[3]. Действительно, как биографическое лицо поэт превращается в ноль, но уходит жить в созданный им поэтический мир сразу же в нескольких авторских «ликах», или ипостасях. Один из этих ликов автора — назовем его «геройно-гуманистический» (вспомним: «Любой собаке — современник, / последней падле — друг и брат», с. 182), — как правило, у Рыжего выдвинут на первый план и заслуженно делает его действительно крупнейшим поэтом целой исторической эпохи: «Восьмидесятые усатые, / хвостатые и полосатые» (с. 348), а также 90-х гг. XX столетия. Но есть и вторая авторская ипостась, чаще всего пребывающая в тени первой: это, если так можно выразиться, «технический», или поэтологический, лик автора, о котором и пойдет речь в данной статье.

Добрая часть поэтического наследия Б. Рыжего может быть отнесена к так называемой металирике, или поэтологической лирике. Эта терминология идет еще от эстетики романтизма, в первую очередь германского, означенного именами братьев Шлегелей. Метастихотворение — это стихотворение о стихотворении, текст с установкой на профессиональное самоопределение и самопознание, осуществляемое через ссылку на литературные прецеденты, с рефлексией

---

[1] См. обыгрывание этой формулы (с различным оценочным знаком) в следующих работах: [Машевский; Шайтанов; Быков]. Интересно, что даже полное принятие указанной формулы граничит у данных авторов с признанием присущего Борису Рыжему особого (глубоко личного и персонального) поэтического отношения к эпохе позднего советского времени, подвергшегося в лирике поэта существеннейшей мифологизации.

[2] Об этом, пожалуй, первым со всей убедительностью заявил Ю. В. Казарин, отметив в поэтическом сознании Б. Рыжего особую роль поэтов как Золотого и Серебряного веков, так и советской эпохи и нового, уже постсоветского, времени [Казарин, с. 578–579 и др.].

[3] Здесь и далее стихи поэта цитируются по изданию [Рыжий] с указанием соответствующих страниц в скобках.

над собственными (имеется в виду текста) генетическими и типологическими параметрами [см.: Исрапова]. Традиция стихотворений подобного рода в особую семантическую поэтику оформляется в лирике А. Ахматовой и О. Мандельштама, отмеченной многочисленными примерами «метапоэтического автокомментария, или "автометаописания", состоящего в том, что автор осознанно или даже специально вводит в поэтический текст уровень формального анализа этого же текста» [Русская семантическая поэтика, с. 72–73].

Как удачно сформулировали современные исследователи К. Э. Штайн и Д. И. Петренко, «метатекст (имплицированный[4] метапоэтический текст) — это система метаэлементов, представленная в самом поэтическом тексте, определяющая условия, условности, характер самого сообщения, а также комментарии к процессу написания данного текста, его жанру, к форме произведения» [Штайн, Петренко, с. 19]. Составляющие подобного метатекста (так называемые метаэлементы) могут быть представлены в тексте стихотворения по отдельности или в некоем комплексе, иногда даже в системно-целостном единстве. Они различаются в первую очередь по месту нахождения: могут приходиться на заглавие, подзаголовок, эпиграф, посвящение (части так называемого заголовочного комплекса), но могут также пронизывать собой весь текст, вплоть до финальной коды и «затекстовых» примечаний-комментариев[5].

Далее в тексте статьи приводятся наиболее характерные примеры из лирики Рыжего, иллюстрирующие элементы его метатекста. Сам иллюстративно-аналитический материал располагается по трем основным рубрикам: 1) посвящения и эпиграфы, 2) жанровая и стиховая авторефлексия, 3) модель поэтологического стихотворения. В заключении статьи представлен опыт — по возможности целостного — разбора одного достаточно примечательного метастихотворения Рыжего «Мне холодно, читатель, мне темно...», взятого к тому же в аспекте интертекстуальности, или творческого диалога поэта с предшествующей литературной традицией.

Посвящения и эпиграфы

Начнем с простейших примеров — с упоминаний имен поэтов в самих заглавиях, с наличия эпиграфов, посвящений, обращений и пр. (часто это идет в комплексе). Ср. только некоторые названия стихотворений: «Ходасевич», «Фет», «Ива́нов», «Стихотворение Ап. Григорьева», «Памяти Полонского», «К Овидию», «Я пройду, как по Дублину Джойс...», «Словно в бунинских лучших стихах, ты, рыдая, роняла...», «На мотив Луговского», «Там вечером

[4] Заметим, что речь идет о формах именно имплицитного метатекста, представленного в стиховой форме произведений поэта, а не в его критических высказываниях, интервью, письмах, что составляет, соответственно, эксплицитный метатекст авторского творчества.

[5] Классификация подобных метаэлементов на примере жанровых рефлексивов оговаривается нами в специальной статье [Зырянов, 2009, с. 80–81].

Есенина читали...», «Рейн Евгений Борисыч уходит в ночь...». Стихотворению «Памяти И. Б.» (инициалы прямо указывают на Иосифа Бродского) предпослан эпиграф «Привести свой дом...» — предсмертные слова Пушкина, сказанные им на французском языке и в полном виде по-русски звучащие так: «Я должен привести в порядок свой дом».

Очень показательна в этом отношении статистика эпиграфов к стихотворениям Б. Рыжего (укажем только эксплицированные в эпиграфах имена поэтов): из А. Пушкина — 4, из А. Твардовского — 2, из О. Дозморова — 2, по одному из Ф. Тютчева, Н. Некрасова, Г. Адамовича, О. Мандельштама, Я. Смелякова, А. Тарковского, И. Бродского, Р. Тягунова, Т. Элиота.

В стихотворении «Я работал на драге в поселке Кытлым...» (1999) наряду с посвящением Роме Тягунову находим строчки с упоминанием имен еще двух поэтов (имеются в виду Борис Слуцкий и Аркадий Штейнберг — оба поэта, к слову сказать, нелегкой трагической судьбы): «Боже мой, не бросай мою душу во зле, — / я как Слуцкий на фронт, я как Штейнберг на нары...» (с. 432).

В стихотворении «На фоне граненых стаканов...» значится посвящение Михаилу Окуню (поэт, прозаик, проживающий ныне в Германии), к тому же присутствует указание еще на нескольких поэтов: «Наколка — Георгий Иванов — / на Вашем плече, Михаил. // Ах, Мишенька, с профилем Блока / на сердце живу я давно». В последней строфе речь заходит также о Гомере, но тут же возникает и интертекстуальная отсылка к Блоку: «Аптека, фонарь, незнакомка — / не вытравить этот пейзаж / Гомером...» (с. 454). В поэтическом сознании и подсознании Рыжего вообще значимо присутствие А. Блока — этого, как известно, «трагического тенора эпохи». Что может быть интимнее признания на сей счет самого поэта из стихотворения «Хочется позвонить...»: «Я умираю тоже, / здравствуй, товарищ Блок...» (с. 120).

Жанровая и стиховая метарефлексия

Второй по значимости метатекстовый прием — это указание в самом заглавии стихотворения или внутри его текста на тот или иной жанр, мотив, элемент стиховой формы, включая метр, размер, рифмовку, строфику... Ср. некоторые названия стихотворений, включающие в себя ту или иную жанровую номинацию или традицию: «Элегия Эле», «Кусок элегии», «Почти элегия», «Трамвайный романс», «Стансы», «Чтение в детстве — романс», «Гимн кошке», «Ода», «Баллада», «На смерть поэта», «Подражание Лермонтову», «На мотив Луговского», «Другу-стихотворцу», «Я музу юную, бывало...». Серьезного знатока поэтической культуры выдают в Рыжем и примеры мастерского использования и обыгрывания такого стихотворного размера, как александрийский стих: «...Хотелось музыки, а не литературы, / хотелось живописи, а не стиховой / стопы ямбической, пеона и цезуры» (с. 219). То же в стихотворении «Жизнь — суть поэзия, а смерть — сплошная проза», где по контрасту со страшно обыденной прозаичностью криминальной по своей сути ситуации

в финале вдруг возникает нечто похожее на катарсис: «Стою, взволнованный пеоном и цезурой» (с. 398)[6].

В стихотворении «Трамвай гремел. Закат пылал...» (1998), казалось бы, также в центре внимания оказывается страшно обыденная в своей прозаичности и криминальности ситуация («Вдруг заметался / Серега, дальше побежал, / а мент остался. // Ребята пояснили мне: / Сереге будет / весьма вольготно на тюрьме... <...> Почти что к лику / святых причислен будет он. / Мента — на пику!», с. 352). Но финальная строфа неожиданно переводит текст в откровенно метатекстуальный ряд, конфликтно сталкивая, говоря словами самого Рыжего, «поэзию» и «прозу». Сравните: «И всё. Поэзии — привет. / Таким зигзагом, / кроме меня, писали Фет / да с Пастернаком» (Там же). О каком «зигзаге» здесь заходит речь? В данном случае предметом поэтической авторефлексии у Рыжего становится сам стихотворный размер — строго урегулированное сочетание контрастных по длине строк четырех- и двустопного ямба. Упоминаемый Рыжим «зигзаг» даже графически обозначается на письме и в печати отступом четных укороченных строк (что в современных, тем более интернет-изданиях, к сожалению, практически не соблюдается, а жаль). Вспомним имевшие место прецеденты данного стихотворного размера, соответственно, у Фета и Пастернака: «Одна звезда меж всеми дышит / И так дрожит...» и «В смущенье ум, но свяжешь взглядом, / И нем язык...» [Фет, с. 187, 352]; «Мело, мело по всей земле / Во все пределы...» и «Во всем мне хочется дойти / До самой сути...» [Пастернак, с. 390, 404].

Остановимся чуть подробнее на стихотворении «Фет» (1995), которое задает любопытный повод для целого стиховедческого расследования. Начинается оно как фрагментарная форма с отточия: «...читаю “Фантазию” Фета — / так голос знаком, и размер...» (с. 117). Напомним, что размер фетовской «Фантазии» все-таки пятистопный хорей с исключительно женскими клаузулами: «Мы одни; из сада в стекла окон / Светит месяц... тусклы наши свечи» [Фет, с. 174]. Но тут же Рыжий упоминает текст другого поэта: «“Балладу” другого поэта / мне боль помешала забыть» (с. 117). Представляется, что речь идет о «Балладе» В. Ходасевича «Сижу освещаемый сверху...», выдержанной в размере трехстопного амфибрахия, которым написано и стихотворение Рыжего. Но сам текст поэта свидетельствует об удивительной конвергенции двух, казалось бы, совершенно противоположных по жанру стихотворных текстов-прецедентов, по сути, своеобразных антиподов — «Фантазии» и «Баллады», счастья и горя, однако одинаково сближаемых самой поэтической интонацией: «И, дрожа ревнивыми лучами, / Ближе, ближе к нам нисходят звезды?» [Фет, с. 175] и «Я сам над собой вырастаю <...> В текучие звезды челом» [Ходасевич, с. 152]. Примечательно

[6] Глубокий анализ этого стихотворения с позиции антологического жанра, традиции, идущей еще от К. Н. Батюшкова, а также с точки зрения пеонического ритма, осуществил И. О. Шайтанов, оценивший авторскую пометку «пеон» как «своего рода знак в партитуре стиха, указывающий на то, как его нужно произносить. Рыжий сделал эту помету лишь в конце, но ритмическая инерция задана самим стихом» [Шайтанов].

также, что два года спустя Рыжий напишет свою «Балладу» («На Урале, в городе Кургане...»), причем именно размером пятистопного хорея с регулярным чередованием женских и мужских клаузул, ориентированным скорее на лермонтовское «Выхожу один я на дорогу...»[7], чем на «Фантазию» Фета.

Модель поэтологического стихотворения

Третий по счету метатекстовый прием в стихах Б. Рыжего — это обыгрывание в тексте самого процесса написания стихотворения. Это может быть фрагментарная автометатекстовая вставка, на правах вставной конструкции, как, например, в финальной строфе стихотворения «Жизнь — падла в лиловом мундире...» (1998): «Стой, смерть, безупречно на стреме. / Будь, осень, всегда начеку. / Все тлен и безумие, кроме — (я вычеркнул эту строку)» (с. 346). Последняя строка, казалось бы, формально вычеркнута, хотя на самом деле оказывается заменена авторским метатекстовым комментарием, что позволяет ей выполнять функцию своего рода «эллиптической кульминации».

Показательно также стихотворение «Гимн кошке» (1999). Начало его: «Ты столь паршива, моя кошка, / что гимн слагать тебе не буду...» В финале же, по истечении четырех написанных катренов, возникает авторская, но на сей раз ироническая, метатекстовая вставка: «Шестнадцать строчек. Ты довольна?» (с. 449). Нечто похожее находим в стихотворении «Элегия» («Благодарю за каждую дождинку...», 2000), в котором под стук пишущей машинки сначала создаются 15 строчек элегической медитации, потом следует графическая отбивка и заключительный фрагмент еще из 5 стихов (уже исключительно метатекстового содержания) располагается на странице книги с явным смещением вправо: «15 строчек Рыжего Бориса, / забывшего на три минуты зло, / себе и окружающим во благо. / “Olympia” — машинка, / “KYM” — бумага. / *такой-то год, такое-то число*» (с. 475).

Пожалуй, еще более интересный пример представляет явно шуточное стихотворение-мистификация «К Олегу Дозморову» (1997) с целой серией построчных автокомментариев-примечаний (ср.: «Все примечания к этому стихотворению сделаны Б. Рыжим», с. 264). По поводу двух строчек («И я сказал тебе на это: “Вновь вижу бога и поэта”») приводится следующий автокомментарий № 4: «Над этим двустишьем Б. Рыжий особенно тяжело и мучительно работал, имеется около двухсот вариантов. “...Боря целый месяц сочинял две особенно важные строчки, а меня с детьми на это время выгнал из дому...” — вспоминает жена Б. Рыжего» (с. 265). Примечание № 7 складывается вокруг строчек «...Как наше слово отзовется, дано ли нам предугадать?» Понятно, что это парафраз из Тютчева, но текст авторского примечания гласит: «“Как отзовется слово наше, предугадать нам не дано... А нам, друзья, не все ль равно...” Ф. И. Тютчев» (с. 265).

---

[7] О роли прецедентного текста М. Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...» в поэтическом сознании Бориса Рыжего см. специальное исследование: [Зырянов, 2022].

Здесь, в полнейшем игровом азарте, Б. Рыжий готов приписать Тютчеву явно перефразированные и сочиненные им самим стихотворные строчки.

Здесь же следует отметить стихи Рыжего, посвященные самой поэзии и ее истории («Стихи о русской поэзии»), а также творческому процессу и условиям его реализации: например, стихотворение «Как всякий мыслящий поэт...» (1997) с аллюзией на «Скупого рыцаря» Пушкина. Или стихотворение с весьма литературным названием «На смерть поэта», начало которого полемически и интертекстуально отсылает к прецедентным строчкам Некрасова и Пушкина, а вместе с последним и к современному поэту А. Еременко: «Я так люблю иронию мою. / И жизнь воспринимаю как удачу — / в надежде на забвенье, словно чачу, / ее, хотя и морщуся, но пью» (с. 307). Стихотворение «Ночь — как ночь, и улица пустынна...» (1997) вообще включает в себя начальную строфу классического текста А. Блока 1908 г. и, по сути, может рассматриваться как вариант поэтической вариации «На мотив Блока». Схоже в этом отношении и стихотворение «Я музу юную, бывало...» (1998) с явной отсылкой к В. Жуковскому. Если приведенные выше примеры начинаются с интертекстуальной игры, то стихотворение «Поэзия должна быть странной...» (1997), напротив, заканчивается весело-озорным обыгрыванием известных строчек Б. Пастернака: «...с самоотдачей / пить за шумиху, за успех» (с. 294).

Один из характерных мотивов творчества Б. Рыжего — это идентификация самого лирического «я» (или лирического героя) с поэтом. Приведем примеры из стихотворений «Ночь — как ночь, и улица пустынна...» и «Качели»: «Как и все хорошие поэты, / в двадцать два / я влюблен — и, вероятно, это / не слова» (с. 278); «Все прыгнули, а я не смог, / что очень плохо для поэта» (с. 413). В «Стансах» (1995) эта поэтическая самоидентификация получает особую выразительность: «И скуден свет, / и жалок. Чтоб его любить, / додумывай его, поэт. // За мыслью — мысль. Строка — к строке. / Дописывай. И Бог с тобой» (с. 112). Многочисленными в стихах Рыжего оказываются и обращения к Музе. Может быть, самый колоритный пример — стихотворение «Мне не хватает нежности в стихах...», в котором находим прямое обращение к Музе («О муза бестолковая моя!») и подтверждение в финале идеи контраста и одновременно параллелизма жизни и искусства: «Ты всхлипываешь, я рифмую "всхлип"» (с. 469). Идея претворения или, точнее, преодоления прозы поэзией получает свое выражение в стихотворении «Сколько можно, старик, умиляться острожной...» (1998), что подтверждают следующие строчки: «И подступят к гортани банальные слезы, / в утешение новую рифму даря» (с. 389).

Отдельного разговора в поэзии Рыжего заслуживают многочисленные обращения к читателю, который нередко выступает у него под именем «друга» и даже «милого друга». Все это призвано актуализировать саму проблему поэтической коммуникации, ее откровенно интерсубъектную природу. Вот только один, но очень характерный пример из стихотворения «Я так хочу прекрасное создать...» (1995): «Поверь, читатель, не сочти за ложь — / что проку мне потом в моей душе? / Что жизнь моя, дружок? — цена ей грош, / а я хочу остаться в барыше» (с. 136).

Одиночество для Рыжего — совершенно понятный и, может быть, вполне закономерный и единственно возможный параметр поэтической экзистенции: «Это так жестоко — / как я одинок. / Днем я пью, а ночью / я пишу стихи» («Девочки-монашки в городском саду», 1995). Но тут же возникает и глубоко затаенная мечта поэта по любви и участию: «Вот бы кто с любовью, / чтоб меня спасти, / тихо к изголовью / — Господи, прости! — / просто сел, родные, / что-то нашептал. / Чтоб совсем иные / я стихи писал» (с. 125).

Творческий диалог с традицией

В заключение предложим целостный разбор одного метастихотворения Б. Рыжего — «Мне холодно, читатель, мне темно...» (1999), обнаруживающего удивительную параллель с программной декларацией Е. Боратынского «Мой дар убог и голос мой негромок...» (1828). По поводу обозначенной параллели заметим, что знакомство Рыжего со стихотворением Боратынского представляется совершенно неоспоримым фактом. Так, в тексте «Не верю в моду, верю в жизнь и смерть...» (1995) читаем: «Пусть тяжело уйти и страшно жить, / себе я не устану говорить: / “Мне в поколенье друга не найти, / но мне не одиноко на пути...”» (с. 131). Третья строчка процитированной строфы — почти прямая парафраза из стихотворения Боратынского.

Рассмотрим оба текста в диалогической соотнесенности друг с другом:

Мне холодно, читатель, мне темно,
но было бы темней и холодней,
не будь тебя, ведь мы с тобой — одно,
и знаю я — тебе еще трудней,
сложней, читатель, потому — прости,
а я прощу неведомый упрек,
что листик этот не собрал в горсти,
не разорвал, не выбросил, не сжег.

[Рыжий, с. 416]

Мой дар убог и голос мой не громок,
Но я живу, и на земли мое
Кому-нибудь любезно бытие:
Его найдет далекий мой потомок
В моих стихах; как знать? душа моя
Окажется с душой его в сношенье,
И как нашел я друга в поколенье,
Читателя найду в потомстве я.

[Баратынский, с. 128]

В обоих случаях (и у Боратынского, и у Рыжего) использованы форма восьмистишия, представляющая одно большое сложное синтаксическое целое. Обращает на себя внимание повтор в первых строчках («*Мой дар убог*, и *голос мой негромок*» — «*Мне холодно*, читатель, *мне темно*»), наличие противительного союза *но* в начале вторых строк, стиховые переносы из четвертой строки в пятую, что ломает стансовую структуру, кодовое значение и структурная роль слова *читатель* (у Рыжего читатель фигурирует дважды, причем в обоих случаях в форме прямого обращения). Таким образом, стихотворение Боратынского можно рассматривать как прецедентный текст, некую ритмико-синтаксическую модель (или клише), которую вольно или невольно — по законам бессознательного соперничества — воспроизводит в своей поэтической памяти Б. Рыжий.

Отметим еще ряд удивительных совпадений, которые не могут быть восприняты как случайные: помимо строфики также размер — пятистопный ямб и порядок рифмовки (с некоторой, правда, вариацией: у Рыжего исключительно мужская рифма и перекрестная, у Боратынского — опоясывающая с соблюдением правила альтернанса). На уровне фоники также схождение: Рыжий вслед за своим предшественником удачно обыгрывает рифму на бемольный звук «о»: *темно — одно*, *упрек — сжег*. У Боратынского в первом четверостишии: *громок — мое — бытие*[8] *— потомок*. У обоих поэтов, если принимать во внимание вторую строфу, преобладающая роль отводится полногласному открытому звуку «а» (у Рыжего внутри строк, у Боратынского — и в рифменной позиции), что знаменует выход к некоторой гармонизации исходно заданного противоречия.

Однако в плане семантического задания следует отметить и важнейшие творческие расхождения двух поэтов. У Боратынского коллизия сводится к противопоставлению времен — настоящего и будущего, жизни в поколенье и памяти поэта в потомстве (тема провиденциального читателя, которую, как известно, подхватит чуть позднее О. Мандельштам в эссе «О собеседнике»). У Бориса Рыжего тема обретает более драматический характер и коллизия, как ни странно, развивается с обратным знаком движения — от настоящего и будущего («прости, а я прощу») к прошедшему, в которое обращается сам процесс творчества.

Иными словами, лирическая декларация Рыжего смыкается с форматом поэтологического стихотворения. На наших глазах буквально создается текст данного стихотворения: листик, не собранный в горсти, т. е. не смятый, не разорванный и не сожженный самим поэтом — несмотря ни на что — это и есть лист стихотворения, непосредственно разворачивающийся в акте чтения (читательской коммуникации) опыт дружески-исповедальной поэзии, в котором поэт и читатель (формула Рыжего «мы с тобой — одно») составляют действительно единое неразрывное целое.

Источники

Баратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы / изд. подгот. Л. Г. Фризман. М. : Наука, 1982. (Лит. памятники).

Пастернак Б. Л. Полное собрание стихотворений и поэм / сост., подгот. текста, примеч. В. С. Баевского и Е. В. Пастернак. СПб. : Акад. проект, 2003. (Новая б-ка поэта).

Рыжий Б. Б. В кварталах дальних и печальных: Избранная лирика. Роттердамский дневник. М. : Искусство — XXI век, 2021.

Фет А. Полное собрание стихотворений / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Б. Я. Бухштаба. Л. : Сов. писатель, 1959. (Б-ка поэта. Большая сер.)

[8] Боратынский, скорее всего, придерживался архаической традиции, читая рифму *мое — бытие* со звуком «е». Но мы говорим о современном чтении, более характерном для конца XX в. К тому же современного читателя побуждает именно к такому чтению следующая строка — с усиленным пятикратным повтором «о» под ударением: «Его найдет далекий мой потомок».

Ходасевич В. Ф. Стихотворения / сост., подгот. текста и примеч. Н. А. Богомолова, Д. Б. Волчека. Л. : Сов. писатель : Ленингр. отд-ние, 1989. (Б-ка поэта. Большая сер.)

Исследования

Быков Л. П. Борис Рыжий: последний советский поэт? // Советское прошлое и культура настоящего : в 2 т. / отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. Т. 1. С. 167–174.

Зырянов О. В. Жанровые рефлексивы в свете исторической поэтики // Дергачевские чтения — 2008: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: Проблема жанровых номинаций : материалы Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 9–11 окт. 2008 : в 2 т. Т. 1 / сост. А. В. Подчиненов. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 80–91.

Зырянов О. В. Прецедентный текст М. Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...» в поэтическом сознании Бориса Рыжего // Борис Рыжий: исследования и материалы / под ред. Н. Л. Быстрова и Т. А. Арсеновой. М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2022. С. 49–65.

Исрапова Ф. Х. Металирика // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М. : Изд-во Кулагиной : Intrada, 2008. С. 119.

Казарин Ю. В. Поэт Борис Рыжий: постижение ужаса красоты // Рыжий. Б. Б. Оправдание жизни. Екатеринбург : У-Фактория, 2004. С. 521–814.

Машевский А. Последний советский поэт. О стихах Бориса Рыжего // Новый мир. 2001. № 12. С. 174–178.

Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма / Ю. И. Левин, Д. М. Сегал, Р. Д. Тименчик, В. Н. Топоров, Т. В. Цивьян // Russian Literature. 1974. Vol. 3, № 2–3. P. 47–82.

Шайтанов И. Борис Рыжий: последний советский поэт? // Арион. 2005. № 3. URL: https://www.arion.ru/mcontent.php?year=1995&number=91&idx=1507 (дата обращения: 07.02.2025).

Штайн К. Э., Петренко Д. И. Русская метапоэтика : учеб. словарь. Ставрополь : СГУ, 2006.

References

Bykov, L. P. (2009). Boris Ryzhy: poslednii sovetskii poet? [Boris Ryzhy: The Last Soviet Poet?]. In N. A. Kupina, & O. A. Mikhailova (Eds.), *Sovetskoe proshloe i kul'tura nastoiashchego* [Soviet Past and Culture of the Present] (Vol. 1, pp. 167–174). Ekaterinburg: Ural University Press.

Israpova, F. Kh. (2008). Metalirika [Metalyrics]. In N. D. Tamarchenko (Ed.), *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i poniatii* [Poetics: A Dictionary of Current Terms and Concepts] (p. 119). Moscow: Intrada.

Kazarin, Yu. V. (2004). Poet Boris Ryzhii: postizhenie uzhasa krasoty [Poet Boris Ryzhy: Understanding the Horror of Beauty]. In B. B. Ryzhy, *Opravdanie zhizni* [Justification for Life] (pp. 521–814). Ekaterinburg: U-Faktoriia.

Levin, Yu. I., Segal, D. M., Timenchik, R. D., Toporov, V. N., & Tsiv'yan, T. V. (1974). Russkaia semanticheskaia poetika kak potentsial'naia kul'turnaia paradigma [Russian Semantic Poetics as a Potential Cultural Paradigm]. *Russian Literature, 3*(2–3), 47–82.

Mashevsky, A. (2001). Poslednii sovetskii poet. O stikhakh Borisa Ryzhego [The Last Soviet Poet. About the Poems of Boris Ryzhy]. *Novyi mir*, 12, 174–178.

Shaitanov, I. (2005). Boris Ryzhii: poslednii sovetskii poet? [Boris Ryzhy: The Last Soviet Poet?] *Arion*, 3. Retrieved from https://www.arion.ru/mcontent.php?year=1995&number=91&idx=1507

Stein, K. E., & Petrenko, D. I. (2006). *Russkaia metapoetika: uchebnyi slovar'* [Russian Metapoetics: Educational Dictionary]. Stavropol: SGU.

Zyryanov, O. V. (2009). Zhanrovye refleksivy v svete istoricheskoi poetiki [Genre Reflexives in the Light of Historical Poetics]. In A. V. Podchinenov (Ed.), *Dergachevskie chteniia — 2008: Russkaia literatura: natsional'noe razvitie i regional'nye osobennosti: Problema zhanrovykh nominatsii*: *materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Ekaterinburg, 9–11 okt. 2008 g.* [Dergachev Readings — 2008: Russian Literature: National Development and Regional Peculiarities: The Problem of Genre Nominations: Proceedings of the International Scholarly Conference, Ekaterinburg, 9–11 October 2008] (Vol. 1, pp. 80–91). Ekaterinburg: Ural University Press.

Zyryanov, O. V. (2022). Pretsedentnyi tekst M. Yu. Lermontova "Vykhozhu odin ia na dorogu..." v poeticheskom soznanii Borisa Ryzhego [The Precedent Text of M. Yu. Lermontov *I Go Out Alone on the Road...* in the Poetic Consciousness of Boris Ryzhy]. In N. L. Bystrov, & T. A. Arsenova (Eds.), *Boris Ryzhii: issledovaniia i materialy* [Boris Ryzhy: Research and Materials] (pp. 49–65). Moscow; Ekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi.

Зырянов Олег Васильевич
доктор филологических наук
[1] профессор кафедры русской
и зарубежной литературы
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
[2] профессор кафедры социально-
гуманитарных и естественно-научных
дисциплин
Миссионерский институт
620026 Екатеринбург, ул. Карла Маркса, 12
E-mail: o.v.zyrianov@urfu.ru

Zyryanov, Oleg Vasilievich
Dr. Hab. (Philology)
[1] Professor
Department of Russian and Foreign Literature
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia
[2] Professor
Department of Social Sciences,
Humanities and Natural Sciences
Missionary Institute
12, Karl Marx Str., 620026 Ekaterinburg,
Russia
Email: o.v.zyrianov@urfu.ru
https://orcid.org/0000-0003-3327-8116
Scopus AuthorID: 57212550067
WoS ResearcherID: U-3411-2019